

Русский
толстый
журнал как
эстетический
феномен

Последнее обновление: 05.06.2013 / 19:44

Обратная связь: zhz@russ.ru

[Новые
поступления](#)

[Афи
ша](#)

[Авто
ры](#)

[Обозр
ения](#)

[О
проект
е](#)

[Арх
ив](#)

Опубликовано в журнале:
[«Нева» 2011, №9](#)
ПЕРЕВОДЫ

[Эрбер Мороте](#)

Хранитель Эрмитажа
Пьеса. Перевод с испанского и
предисловие «Аффективный
интернационал» Евгения
ШТОРНА

[версия для печати](#)

(831152)

Эрбер Мороте

хранитель эрмитажа

Пьеса

Аффективный интернационал

10 декабря 2010 года в Стокгольме прошло вручение Нобелевской премии по литературе, которой впервые был удостоен перуанский писатель, — им стал Марио Варгас Льюса. Границы становятся все прозрачнее, и вот перед нами плоды творчества еще одного перуанца — Эрбера Мороте, далекого от России латиноамериканского автора, написавшего о нас — или, вернее, о том, какими мы видимся ему оттуда, с бушующих берегов Тихого океана. Иностранцам непросто, должно быть, пересаживать цветы собственного сада на чужую почву: я хочу сказать, браться за работу над чужой реальностью. Непросто уже хотя бы потому, что она может в равной степени быть ими горячо любима или даже хорошо изучена, но все же оставаться малоизвестной, и если не чуждой им, то, без сомнения, чужой. В особенности это касается тех событий и периодов, которые

стали важнейшими историческими вехами для народов, чью жизнь и реалии берется описать автор, — они хорошо, вплоть до мельчайших деталей, изучены на родине и составляют неотъемлемую часть исторической памяти общества, зачастую предвзятой и необъективной. В то же время именно такие моменты истории становятся и наиболее привлекательными для зарубежных авторов. Словно пламя мотылька, они манят автора.

Для народов России и всего Советского Союза таким важнейшим событием века минувшего стала Великая Отечественная война, а для ленинградцев и для всех, кто искренне любит этот город, — бесконечные годы блокады. Такие события становятся своеобразными точками отсчета, и если речь идет о “недавней истории”, память о них живет не только в книгах, но и в повседневности: смотрит на нас с фотографий, сталкивается с нами на улице, стоит с нами в очереди в продуктовом магазине. Подобно отметкам о том, каких пределов достигла вода в годы наводнений, холодно и беспощадно смотрят на нас сегодняшних, ленивых обитателей фейсбука, памятные таблички: “Эта сторона улицы опасна во время бомбежек”. Именно о них, о недавних годах блокады, решается рассказать нам перуанский писатель Эрбер Мороте в пьесе “Хранитель Эрмитажа”, представленной на суд читателей “Невы”.

Эрбер Мороте родился в небольшом курортном городке Пиментель (Перу) в 1935 году. По своему собственному утверждению, ему всегда хотелось изучать и описывать Историю. Он с юношеским рвением поступает в университет для изучения литературы, но вскоре строгая и не всегда справедливая жизнь вынуждает его отклониться от заданного курса к юношеской мечте. Реальность оказывается топким болотом, и молодой Эрбер быстро понимает, что литературой он не сможет обеспечить себе и своей семье безбедное будущее. В Перу в то время книгой невозможно было заработать себе даже на хлеб насущный. Досадная параллель с современной Россией, не так ли... Он переучивается на экономиста и вскоре становится крупным менеджером фармацевтической компании, одно из предствительств которой ему со временем предстоит возглавить. Однако мечта не перестала быть для успешного бизнесмена путеводной звездой, пусть и идти к этой звезде пришлось окольными путями, сквозь “тернии” большого бизнеса, “пер бизнес ад литература”.

Только оставив “мирскую суету”, то есть свой высокий пост в процветающей компании, в полные 55 лет Эрбер Мороте смог посвятить себя и все свое время возлюбленной музе. Заслуженный отдых будущий литератор отметил переездом в Мадрид — он сменил не только страну проживания, но и род своих занятий: больше к “дуинг мани” Эрбер Мороте не возвращался.

В одном из своих писем автору этого пролога Мороте признается, что с его страстью к литературе могла потягаться только его страсть к путешествиям. Действительно, мало мест и стран осталось на нашем голубом шарике, по которым не прошел бы степенной походкой перуанец. Но как нетрудно догадаться, одно из самых ярких впечатлений произвел на него Санкт-Петербург. Впрочем, об этом чуть позже.

Основными темами творчества Мороте долгое время оставались события, близкие автору, непосредственно затрагивавшие его собственную историю и историю его семьи, — события его родной страны, прошедшей через годы диктатуры. После серьезной подготовки на курсах для начинающих литераторов, где за три года учебы (а в данном контексте учеба синонимична творчеству) преподавателями Мороте успели побывать завсегдаитаи полкок испанских и даже латиноамериканских книжных магазинов: Хуан Майорга (автор уже знакомый читателям “Невы”), Хосе Санчис Синистерра (его пьесы ставили Театр на Литейном и Молодежный театр), Марко Антонио де ла Парра (современный классик чилийской литературы, воспитавший не одно поколение драматургов как у себя на родине, так и в Испании, где он работал атташе по культуре) и многие другие, немолодой уже мечтатель выпускает ряд любопытных текстов, наиболее знаковым среди которых оказывается эссе “Реквием по Перу, моей Родине”. В то же самое время выходит его первая пьеса, а к середине 1990-х Мороте публикует роман “Удачи всем”. Центральными персонажами работ автора становятся обычные люди, познающие окружающую реальность чувствами и через чувства же передающие ее ощущение читателю.

Мороте бесстрашно отправляется в исторические путешествия по родной стране, боль жителей которой ему понятна, коль скоро он сам ее некогда испытывал. Однако географическая узость мест действия творений автора вскоре перестает удовлетворять его амбиции. Так, похожие сюжеты

Мороте начинает искать и в незнакомых — или, по крайней мере, малознакомых — реалиях, вдруг взявшись в качестве публициста за историю о Южной Африке. Нашему обретшему себя перуанцу кажутся тесными любые рамки: географические, жанровые, стилистические, даже идеологические. Он торопится, как сказал бы Тригорин, “пишет, как на перекладных” — слишком, слишком много времени было отдано “хлебу насущному”.

В то же время Мороте последователен: его манят исторические путешествия. К середине первого десятилетия нового века появляется его пьеса о блокаде Ленинграда, в которой непосредственным местом действия становится святыня мирового, а не только российского искусства, колыбель советской интеллигенции, музей, чье имя звучит как заклинание — Эрмитаж. Но что общего может быть у перуанского беллетриста с гражданами Ленинграда, запертыми фашистскими захватчиками в неразмыкаемое кольцо? Почему Эрмитаж, блокада, Ленинград? Откуда бизнесмен из Латинской Америки может знать быт и реалии в Советском Союзе военного времени?

Наверное, ответы на эти вопросы следует искать в целеполагании автора. В пьесе “Хранитель Эрмитажа” Эрбер Мороте не стремится точно и скрупулезно описать исторические факты, не интересны ему и сухие даты событий и памятных моментов (оттого в тексте можно отыскать ряд серьезных несоответствий между исторической реальностью и ее художественным эквивалентом в интерпретации перуанца). Ну а по совести, способна ли историческая точность, ежели таковая вообще существует, уберечь от энтропии смысла? Литератору — шире: художнику — интересно нечто совсем другое, и это другое — есть эмоция, аффект, чувство, рождающие чудо из пучины отчаяния и страха. В таком понимании пьеса приобретает несколько иное прочтение: она перестает быть исторической в том смысле, в каком мы привыкли историю воспринимать, но становится архивом эмоций, фоном и побудительной силой которых стала война. Так, Эрбер Мороте получает право на свое творчество: эмоции, в его понимании, интернациональны, а чувства — вечны.

В текстах Мороте история находит отражение в чувствах “простых людей”. Исторические баталии и их славные полководцы остаются лишь фоном для личной драмы. В этих переживаниях реальность передается читателю через чувства героев — людей, ставших свидетелями великих свершений. Реальность дается нам в ощущениях. Поэтому, несмотря на любовь автора к историческим событиям, мы не найдем в его пьесах точных дат и неоспоримых фактов. Анахронизм идет рука об руку с гипертрофированной влюбленностью автора в выбранную им тему. Это неподдельная зачарованность туриста, узревшего город на Неве во всем его трагическом великолепии, проникнувшегося его историей и культурой, полюбившего его. Вот почему читатель обнаружит в этой пьесе удивительный срез эмоций, сентиментальный бурлеск, в котором факт становится ничтожным, а чувство — главным историческим событием. Наш пылкий перуанец так искренне, так страстно любит литературу, что прочее меркнет перед этой юношеской влюбленностью. Он романтик, поэт. Чувство восторга переполняет его и уводит далеко от неоспоримости факта. Мороте, конечно, наивен, когда в эпизоде с сигарой Игорь говорит о том, что ее ему подарил иностранец, да и окопы у Адмиралтейства выглядят не совсем убедительными. Только песня совсем не о том...

Исторической правдой пьесы “Хранитель Эрмитажа”, описывающей жизнь, кажется, совершенно выжившего из ума старика, становятся реальные невзгоды всех ленинградцев, прошедших сквозь страшные, ядовитые паучьи лапы блокады: голод, смерть, одиночество, потери... Однако на передний план выходят иные сюжеты: красота, искусство, любовь, вера в чудеса, дружба, доверие... Это ли не блокада? Это ли не ее реальность, пусть непривычная, ужасающая, но настоящая — человеческая. Трагедии, сравнимые по масштабам с блокадой Ленинграда, как лакмус, выявляют гуманизм человечества, его неодолимую жажду жить и радоваться жизни, его веру в лучшее, что есть в бесноватой человеческой природе. Даже в самых непригодных для жизни и самого существования условиях человек способен оставаться Человеком — созданием, реальность которому дана в чувствах.

Пожалуй, такой жизнеутверждающий вывод более всего соответствует чувственной душевности пьесы Эрбера Мороте. Да, немолодой, но по-юношески пылкий автор смотрит на мир сквозь розовые очки. Да, он путается в исторических фактах и помещает события, случившиеся в разное время, в один-единственный миг. Да, Мороте не скрупулезен в описании коллекции Эрмитажа,

произвольно пополняя каталог картинами из собраний других музеев. Но все эти претензии меркнут, когда пьеса читается сердцем, а разум на время окунается в теплые туманы сочувствия и сострадания.

Евгений Шторн

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Павел Филиппович — экскурсовод, уже немолодой человек, порою силы оставляют его. Несмотря на холод, он одет довольно легко.

Игорь — бывший смотритель, ему за пятьдесят, хотя на вид можно дать значительно больше, прихрамывает. На нем старая шинель, увешанная медалями, шарф и военная фуражка. Носит через плечо старое ружье со штыком.

Соня — жена Павла, ей 45 лет, высокого роста, бойкая, говорит проникновенным голосом. Видно, что в свое время любила хорошо одеться.

1

В Эрмитаже. Огромное полутемное помещение. В одном конце сцены располагаются большие двустворчатые, заколоченные наглухо двери, в одной створке — маленькая дверца, закрытая на засов. Вдоль голых стен на одинаковой высоте расположены затворенные ставнями окна. К одному из них приставлена стремянка. В другом конце — две убогие лежанки, а вокруг них — грубо сколоченные ящики, которые служат столом и стульями. Керосиновые лампы. В остальном это просторная дворцовая зала. От маленькой буржуйки нет особого толка.

Игорь подметает комнату, грохот разрывающихся снарядов немецкой артиллерии слышится совсем близко. Кто-то неожиданно стучится в дверь. Игорь пугается, аккуратно берет завернутую в ткань картину, что стоит у стены, целует ее и прячет за своим лежаком. В дверь стучат все настойчивее.

Игорь. Дима, это ты? Сынок, это ты? (Нет ответа. Грохот снарядов слышится все реже, а стук в дверь становится все сильнее.) Иду, сынок, иду. Погоди, погоди, ключи куда-то подевались.

Соня (снаружи). Игорь Игоревич, откройте же дверь. Открывайте скорее, я умру от холода.

Игорь (кричит). Это не Дмитрий? Дима, сынок, это не ты? (Ехидно.) Видишь, видишь, у немцев уже не осталось сил на то, чтобы бомбить нас. Эти ссыкуны не выдержат советского холода, ха-ха. На-кася выкуси, ха-ха-ха. Нет, не выдержат...

Соня. Игорь Игоревич, оставьте эти глупости и немедленно откройте. Скорее, я замерзаю.

Игорь (снимает засовы, ключ заедает, ему с трудом удается открыть). Погоди, погоди. А... это вы, Соня. (Выглядывает наружу.) А где Дмитрий? Вы не видели там моего сына?

Соня (решительно). Вы и сами знаете, где он сейчас. (Пауза.) Я не припомню такой холодной зимы. Если вы мне скажете, что сейчас минус сорок, я не удивлюсь.

Игорь. Естественно, я знаю, где он. Как всегда, не смыкая глаз, в окопах Адмиралтейства. Дмитрий пошел в меня — сильный и храбрый. Эти медали — не просто укра...

Соня (*достает свертки из большой сумки, которую она принесла, спрятав под пальто*). Игорь Игоревич, я принесла хлеб и вяленую рыбу, осталось еще несколько карточек, сахар уже не выдают. (*Пауза.*) Как там наш Павел Филиппович, сердце его больше не беспокоило? Где он?

Игорь (*разворачивает свертки*). Где-то бродит. Он не заблудится. Значит, сахара больше нет, а я уже и забыл его вкус. Наверное, они отдают его нашим ребятам. И правильно. Мы, старики, умеем терпеть. (*Обращая внимание на тишину снаружи.*) Все, больше не атакуют.

Соня. Игорь Игоревич, а где именно бродит мой муж?

Игорь. А я-то откуда знаю? Я раньше ходил за ним, но теперь мне надоело. Где-где, а в этом музее он не заблудится. Даже в полной темноте. (*Пауза.*) По правде сказать, Соня, я с нетерпением ждал вас. Мне надо с вами серьезно поговорить.

Соня. Это связано с Павлом Филипповичем? Что с ним?

Игорь. Послушайте, дело в том, что я в последнее время все меньше и меньше понимаю вашего Павла Филипповича. Он сам готовил картины для эвакуации, а теперь продолжает водить экскурсии, как если бы они все еще висели в этих залах. Да... Вам известно, чем он сейчас занят? У меня даже язык не поворачивается. Лучше будет, если вы увидите это сами.

Соня. Я ничего не понимаю.

Игорь. Как давно вы здесь не были? Месяц?

Соня. Нет, не думаю, что так долго. (*Смотрит в продовольственную карточку.*) Если быть точной, то восемнадцать дней. Послушайте, товарищ... Игорь... я действительно не могла прийти раньше.

Игорь. Нет, у меня вам не за чем просить прощения, Соня. Дело в том, что вы должны увести отсюда Павла. Ваш муж не в себе.

Соня. Не в себе?

Игорь. Нет, не в себе, он сошел с ума. К тому же я как комиссар этого музея не могу взять на себя такую ответственность. У него в любой момент может случиться инфаркт, мне не нужен покойник посреди выставочного зала. Ему необходимы лечение и уход. У него с головой худо, да и сердце барахлит, а ему — все нипочем, он даже пальто не наденет, при таком-то морозе...

Соня (*снимает пальто*). Мне кажется, вы просто преувеличиваете, здесь внутри совсем нехолодно. (*Пауза.*) Я бы забрала его с собой, только скажите: куда? В наш дом трижды попадали снаряды, от него уже даже следов не осталось. Приюты для стариков закрыты, больницы переполнены. Лекарства для сердечников нет и в помине. (*Пауза.*) Вы и сами знаете, что мы даже наших мертвецов похоронить не можем, они лежат на улице, заметенные снегом. Нет, Павлу здесь лучше, чем где-либо. В конце концов, он всегда больше любил проводить время в Эрмитаже, чем дома. Нет более надежного места в Ленинграде, чем этот музей.

Игорь. Вы являетесь членом Военного комиссариата и позволяете себе говорить столь безответственные вещи. Вы что, не доверяете Сталину?

Соня. Да как вы смеете?! По-моему это вы не понимаете, что говорите!

Игорь. В таком случае, товарищ член Военного комиссариата, придержите свой язык, иначе у вас могут возникнуть проблемы. Фашистская Германия вскоре будет повержена.

Соня. У меня в этом нет ни малейшего сомнения, однако уверяю вас, что это произойдет не завтра. Вы окопались здесь и даже представить себе не можете, что происходит там, снаружи. В городе не осталось ни котов, ни собак. Да, мы не теряем присутствия духа. *(Пауза.)* Мы все, слышите, все должны быть заодно, вам досталось не самое сложное задание — позаботиться о моем муже.

Игорь. Ну уж нет, я комиссар музея, а не сиделка. *(Пауза.)* Я вам приказываю освободить музей от присутствия вашего супруга Павла Филипповича.

Соня. Как вы себе это представляете? Как я поведу его траншеями, окопами, пока мы не доберемся до ближайшего бомбоубежища? Знаете, сколько времени мне потребовалось, чтобы дойти досюда от Никольского собора? Два часа. Да, да, вы не ослышались, два часа, и это при том, что меня знают на каждой заставе.

Игорь. Я как уполномоченное лицо, как комиссар Государственного музея...

Соня. Прекратите, Игорь Игоревич, никакой вы не уполномоченный и не комиссар. На Эрмитаж не было сброшено ни одной бомбы только потому, что немцы рассчитывают завладеть его сокровищами. Идите и приведите сюда моего мужа, он должен получить свой паек. Я хочу увидеться с ним. *(Пауза.)* Несчастный человек. *(Пауза.)* Поторопитесь, я должна вернуться в комитет до рассвета. Я повторяю: приведите его сюда.

Игорь. Да как вы позволяете себе, говорить таким тоном с пожилым человеком, Соня? Я никуда не пойду. Идите сами, если вам угодно. Не хватало еще, чтобы кто-нибудь приказывал комиссару Государственного музея Эрмитаж.

Павел *(входит, грациозно беседуя с воображаемой группой туристов, Соня ошеломленно смотрит на него, Игорь складывает свертки в один из ящиков).* Дорогие товарищи, я надеюсь, вам понравилось наше маленькое путешествие. Мне тоже жаль, что оно длилось какие-то два часа, но и их достаточно, чтобы составить себе представление о том, какими богатствами обладает наш Эрмитаж. Задумайтесь только, что если бы мы задержались у каждого экспоната более одной минуты, мы провели бы здесь двенадцать лет. Да, двенадцать лет. Возвращайтесь вновь, вы узнаете много нового, вы будете изумлены. Мы ждем вас. Не забудьте забрать свои вещи в гардеробе, хорошо застегивайтесь: на улице, должно быть, ужасный мороз. Доброй вам ночи. Еще раз спасибо за ваш визит. Нет, нет, экскурсоводам Эрмитажа не дают на чай, большое спасибо. Спокойной ночи, товарищи. *(Воцарилось гробовое молчание. Павел забеспокоился, заметив, что его жена стала свидетелем последней сцены.)* Что случилось, Сонечка? Почему у тебя такое выражение лица? *(Пауза.)* Что-то случилось? Они разбомбили наш поезд с коллекцией?

Соня. Нет, дорогой. С поездом все в порядке. Но нам пока не удастся прорвать блокаду.

Павел. Главное, что искусство в безопасности! *(Подпрыгивает от радости, пытается пригласить на танец Соню и Игоря, но они упираются.)* Bravo! Bravo! Станцуем, Соня! Ну же, Соня! Давай, Игорь! Станцуем! Соня, ну что же ты, давай!

Соня. Прекрати, Павел, прекрати!

Павел. Я не могу понять, что же с тобой происходит? Я не узнаю тебя. Что тебя так тревожит?

Игорь. Ты ее тревожишь, Павел. Разве не понятно? Ты только что разговаривал сам с собою.

Павел. Я, сам с собою? Я разговаривал со своей женой, дурья твоя башка!

Игорь *(Соне).* С юродивыми не спорят. Уводите его, Соня, ему с каждым днем все хуже.

Павел. Кому с каждым днем все хуже? Расскажи лучше, зачем ты открываешь окно, пока меня нет? Разве это не запрещено? С кем ты там разговариваешь?

Игорь. Ну, все, Павел Филиппович! Это была последняя капля. Нашей тридцатилетней дружбе сегодня приходит конец.

Соня. Хватит, хватит, прекратите оба. Любимый, я принесла тебе твой паек. Твои карточки останутся у меня. Говорят, что сахара теперь долго не будет. Я принесла вам бутылку водки, тебе и твоему другу Игорю Игоревичу. Если хочешь, открывай ее прямо сейчас. Только прошу тебя, родной, ответь, с кем это ты сейчас разговаривал?

Павел. То есть как это с кем? Ты разве не знаешь, что я здесь работаю экскурсоводом?

Соня. Да, но здесь никого нет.

Павел. Вот именно, все уже ушли. *(Пауза)*. Дорогая Соня, все, кто в состоянии взять в руки ружье, ушли на фронт, так что я, будучи больным и старым, остался единственным экскурсоводом. Из зрителей остался только Игорь, потому что он хромоножка. Однако он утверждает, что он комиссар музея, ха-ха-ха, комиссар. Он только и делает, что следит за мной со своим нестреляющим арбалетом.

Игорь *(целится в него)*. Значит, мое ружье не стреляет?

Павел. Ах... убери его, шут гороховый. Соня, милая, раз никого, кроме меня, не осталось, я должен вести все экскурсии. Все.

Соня. Но для кого ты их водишь? И что ты показываешь?

Павел. Как обычно. Сначала я вижу их в археологические залы, затем в залы живописи, немного Веласкеса, что-нибудь из Рембрандта, Ренуар, Пикассо. Хотя что я тебе рассказываю, ты и сама все знаешь. Кстати, ты не видела выставку Репина? Нет, думаю, что ты еще ее не видела. Если хочешь, я тебя провожу, и ты тоже сможешь насладиться ею. Мы привезли полотна из Русского музея и из Третьяковской галереи. Скоро мы отмечаем столетие Репина. Хочешь, я покажу тебе выставку?

Соня. Ты действительно видишь эти картины, любимый? Ты их видишь?

Павел. В последнее время зрение стало подводить меня, но я еще не ослеп. Если хочешь, ты можешь убедиться. *(Не глядя, указывает рукой.)* Там, прямо над нашими лежанками, висит фотография Сталина, видишь?

Соня. Павел, там ничего нет.

Павел *(смотрит на стену)*. Что-о-о? Ты права, там ничего нет. Нет! Игорь, куда делась фотография?

Игорь. Понятия не имею. Я тоже только что заметил. Может, солдаты упаковали ее, приняв за ценный экспонат?

Павел. Это невозможно. Количество ящиков строго соответствовало количеству экспонатов. Все строго посчитано. В конце оставались только два ящика: один для архангела Гавриила, икона неизвестного автора двенадцатого века, более известная как “Ангел с золотыми волосами”, другой предназначался для “Чуда святого Георгия”, новгородской иконы, датируется примерно 1475 годом. Эти иконы — ценнейшие образцы древнерусской живописи.

Соня. Любимый, я восхищаюсь твоей памятью. Но если они такие ценные, почему их упаковывали последними?

Павел. Девочка моя, человеческая природа непостижима. Загадочна. Это был приказ полковника, руководившего эвакуацией. Возможно, он думал, что чудотворные иконы защитят нас от немцев. Что скажешь, жалкий ты комиссаришка?

Игорь. Как все юродивые, порою ты глаголешь истину, а вот оскорбления здесь неуместны.

Соня. Признайте, дорогой Игорь Игоревич, что мой муж сегодня в ударе, не так ли, милый?

Игорь. Вы такая же сумасшедшая, как и ваш Павел. Хуже всякого слепого, кто не хочет видеть.

Павел. Я вижу то, что вижу, уважаемый сторожевой пес. *(Пауза.)* И, соответственно, не вижу того, чего не вижу. *(Пауза.)* А также я вижу то, чего не вижу. *(Пауза.)* А чтобы ты окончательно не запутался, одноклеточный, я приведу пример: я вижу, что на стене нет фотографии Сталина.

Соня. Милый, прошу тебя, не продолжай. *(Игорю.)* Она была ценной?

Игорь. Она не была каталогизирована, если вы об этом. Большая такая фотография, какие висят в любом официальном учреждении. Это ошибка солдат, это они упаковали Сталина. Опустел наш музей без Всевеликого Вождя.

Соня. Игорь Игоревич, вам придется признать, что мой муж не так плох, как вы. Вы уже не замечаете, как у вас из-под носа уносят вещи. Так что мне придется оставить Павла Филипповича с вами.

Игорь. Разве вы не видели своими собственными глазами, что он разговаривает с воображаемыми посетителями? Соня, он водит экскурсии для привидений.

Павел. О, темный страж, ты мелешь чепуху. Я, убежденный атеист, буду верить в привидения? Боюсь, что это по твоей части, я видел, как ты переkreщивался, и не один раз.

Игорь. Соня, он на меня клеветает, я так больше не могу. Не хватало еще, чтобы он обвинял меня в религиозности. Меня, убежденного коммуниста, атеиста и материалиста. Уводите его, иначе мне придется арестовать этого человека за оскорбление должностного лица.

Соня. Что вы, право, как дети малые? Дорогой, налей нам немного водки, выпьем за Ленинград.

Павел. Прекрасно, выпьем за Ленинград и за тебя, любимая. А еще за Игоря, простим друг другу все обиды. Я никогда не хотел обидеть тебя, прости. *(Протягивает Игорю руку.)*

Игорь *(сдержанно.)* Я прощаю тебя, но учти, что это в последний раз.

Соня. За дружбу!

Игорь и Павел. Ура!

Игорь. Ах, какая вкусная водка! М-м-м, я так давно ее не пробовал. Сонечка, вы такая умная, у вас высокая должность в комитете, скажите, должен ли человек беспокоиться о грядущем, или ему лучше смириться с судьбой?

Павел. Водка даже ослов делает философами.

Игорь *(Соне).* Вы думаете, надо дожидаться того предела, за которым начинается агония, для того...

Соня *(перебивает его).* Вы опять хотите вернуться к этому разговору? Я думала, что инцидент исчерпан.

Игорь. Значит, вы ошибались. Я, уполномочен...

Павел. Заткни фонтан, уполномоченный, и пей!

Игорь. Уже не как должностное лицо, а как старый товарищ я должен сказать тебе, Павел Филиппович, что ты окончательно рехнулся. Потому что все мы порою разговариваем сами с собой, но водить экскурсии в зале, где нет картин, это уже серьезно...

Павел. Да, я идиот, я придурок...

Игорь (*перебивает его*). Нет, Павел, сначала позволь мне закончить.

Соня. Паша, позволь ему закончить. Игорь — твой ближайший товарищ.

Павел. Хорошо. Договаривай, что начал.

Игорь. Я сказал, что нет ничего такого, в том, что ты разговариваешь сам с собой. То, что ты описываешь картины, которых нет, уже более подозрительно, но меня настораживает... капни мне еще чуточку, спасибо... меня настораживает то, что ты делаешь это для посетителей-призраков.

Павел. Призраков?

Игорь. Музей уже давно закрыт.

Павел. Ну и что?

Игорь. Вся коллекция эвакуирована, ничего не осталось. Наш паровоз обвел вокруг пальца саму блокаду, и вывез-таки последние картины, они, наверно, уже на Урале или еще где-нибудь. Здесь больше ничего нет.

Павел. Ничего?

Игорь. Ничего.

Соня. Родной мой, это правда, ничего.

(*Молчание.*)

Павел. Значит, ничего? Теперь посмотрим, нас с вами здесь трое, так?

Соня и Игорь. Так.

Павел. Отлично, неплохо для начала. Думаю, вы не станете отрицать, что мы находимся сейчас в Эрмитаже, не так ли?

Соня. Я этого не отрицаю, Паша. Мы в Эрмитаже.

Игорь. Возражений не имею. Плесни мне еще чуток.

Павел (*отдает ему бутылку*). Пей, сколько влезет, мудрый защитник искусства. Отлично, с той стороны Нева, верно?

Игорь и Соня. Верно, верно.

Павел. Что ж неплохо, совсем неплохо. То есть, несмотря на то, что мы сейчас не видим Неву, мы можем описать эту величественную реку, мы знаем, что она застыла, что мы можем ступить по льду и не бояться утонуть. Мы даже можем почувствовать ее течение, под толстым слоем льда.

Соня. Ты прав, родной, только я не понимаю, к чему ты клонишь.

Павел. К тому... *(Хватается за грудь, как при сердечном приступе.)*

Соня. С тобой все в порядке?

Павел. Все великолепно. Я хочу, чтобы ты поняла, что мы всегда, всегда можем увидеть то или тех, кто нам дорог, кого мы любим.

Игорь. Даже когда их нет?

Павел. Разве имеет значение, рядом ли те, кого мы любим, или нет, чтобы увидеть и почувствовать их? Закрой глаза и ответь мне: ты видишь, ты чувствуешь Неву?

Игорь. Ты путаешь нас, потому что думаешь, что мы уже готовенькие. Так я скажу, что ты ошибаешься, я мог бы выпить пять бутылок водки, и все равно тебе меня не обмануть. *(Пауза).* Нет, Павел, нет, нет и нет. Одно дело — Нева, а другое — картины, но хуже всего то, что ты разговариваешь с воображаемыми посетителями.

Павел. Чертов ты цербер, отвечай: с кем ты разговаривал сегодня через окошко? Соня, мы уже не один месяц живем порознь, однако я не ложусь в постель, не рассказав тебе все, что случилось за день, разве ты не делаешь того же самого?

Соня. Еще бы, я слышу твой голос, твои наставления. Только это не одно и то же. Я видела, как ты вел экскурсию для несуществующих посетителей, и мне показа... *(Павлу становится плохо с сердцем, он хватается обеими руками за грудь, падает на колени.)* Паша! Родной! Игорь, помогите мне! Надо отнести его на постель. *(С большим трудом, им это удается.)* Нет, так не пойдет, надо подложить что-нибудь под голову. Вот так-то лучше. *(Расстегивает ему верхнюю пуговицу рубашки.)*

Павел *(едва слышно.)* Не беспокойся, родная, сейчас все пройдет. Мы еще повоюем.

Игорь. Вот видите, Соня. Я предупреждал вас, Павел очень болен.

Павел *(приходя в себя.)* Гляди, как бы мне не пришлось хоронить тебя раньше, жалкий сторож.

Игорь *(весело.)* Ничего удивительного. Что-то ты слишком быстро оправился, мошенник.

Павел. Уф...-ф-ф похоже. отпустило. Да, мне уже стало лучше. Ложная тревога. Не беспокойся, Соня, это как вспышка: неожиданно и мимолетно. Ты случайно не принесла сигарет?

Соня. Тебе вреден табак. Павел, ты же знаешь, что врачи запретили тебе курить.

Павел. Я уже много месяцев не курил. Ты можешь где-нибудь достать махорки?

Игорь. Тебе курить вредно. *(Соне.)* Тогда я буду курить за него, на моей ноге это никак не скажется.

Соня. Вам обоим придется подождать. В Ленинграде больше не осталось ни грамма табака.

Павел. А вот это действительно — трагедия.

Игорь. Да, страшная, страшная трагедия.

Павел. Не повторяй за мной всякую чепуху, Игорь. *(Соне.)* Я должен закончить то, что хотел сказать вам. На чем мы остановились? Ах... да, ты сказала, Сонечка, что я разговариваю с приви...

Соня. Не важно, родной мой, оставь это.

Павел. Нет, важно, Соня. Это очень важно.

Соня. Тебе нужно отдохнуть, вот что сейчас важно. У нас еще будет возможность наговориться вдоволь.

Павел. Соня, у меня осталось очень мало времени, слишком мало.

Игорь. Секундочку, не ты ли собирался меня хоронить?

Павел. Соня, мы должны закончить этот разговор. Для меня это действительно важно. Если ты не видишь того, что вижу я, значит, я сумасшедший и был таким всю мою жизнь. А это грустно, Сонечка, очень грустно.

Игорь. Наш мудрец, оказывается, круглый дурак! (*Соне.*) Я никогда его таким не видел. Можно мне еще капельку?

Павел. Да выпей хоть все, чербер, к черту всю эту экономию. (*Соне.*) Соня, позволь мне высказаться. (*Пьет прямо из горла.*) Я хочу, чтобы ты поняла: я не сумасшедший. Я вижу эти картины, понимаешь, вижу. И посетителей тоже. И я действительно разговариваю с ними, отвечаю на их вопросы. Я вожу экскурсии по-настоящему, Соня. Ты веришь мне, Сонечка? Веришь?

Соня. Верю. Я всегда тебе верила.

Павел. Нет, Соня. Ты говоришь так, потому что хочешь доставить удовольствие своему престарелому чокнутому мужу. Ты мне не веришь. Если бы ты призналась в этом, я бы даже обрадовался, ведь тогда я смог бы...

Игорь (*вмешиваясь*). Если правда доставляет тебе такое удовольствие, можешь рассчитывать на меня. Я тебе не верю — нет здесь ни картин, ни посетителей. Ну, ты обрадовался? А теперь, уважаемый, передай-ка мне бутылочку, а то ты всю приговоришь.

Павел. Забери ее совсем, Игорь. Тебя я не собираюсь ни в чем убеждать. Тебе луна светит ночью, а солнце днем. Вот оно истинное сумасшествие. (*Соне.*) Сколько лет мы вместе, девочка моя? Двадцать?

Соня. Двадцать — это в браке, а вместе — двадцать три.

Павел. Тогда это самый серьезный наш с тобой разговор за все двадцать три года.

Соня. Ты пьян.

Игорь. Я бы не сказал, он и трезвый так рассуждает.

Павел. Соня, пойми, это очень серьезно. Я вижу эти картины и вижу этих посетителей.

Соня. Хорошо, ты видишь эти картины и этих посетителей. А теперь постарайся отдохнуть. Мы все очень устали. Завтра мы продолжим этот разговор.

Игорь. Товарищи, вы совершенно правы. Нам надо отдохнуть.

Павел (*Соне*). Ты полагаешь, я могу отдыхать, когда моя жена безосновательно заявляет мне, что я сумасшедший? (*Указывает на Игоря.*) Мнение этого шута только делает мне честь, представь себе, что он считал бы меня таким же нормальным, как он, тогда я действительно был бы окончательно уничтожен. Но тебя, милая, родная моя девочка, я должен убедить в том, что это не

так. *(Пауза.)* Вот что мы сейчас сделаем. *(С превеликим трудом поднимается с кровати.)* Мы пойдем посмотреть картины.

Игорь. Павел Филиппович, я запрещаю тебе вставать с постели.

Соня. Игорь прав. Павел, послушай дружеского совета, постарайся отдохнуть.

Павел. Впереди меня ждет бесконечный отдых. Пойдем, Соня, я покажу тебе картины. Начнем с икон?

Соня. Но разве не ты говорил, что все иконы эвакуированы?

Павел. Милая, ну какое это имеет значение? Я покажу тебе их, они великолепны.

Игорь *(сам с собою)*. Он окончательно свихнулся. Господи, чем все это закончится?

Соня. Ты уверен в своих силах?

Павел. Еще бы.

Соня. Тебе не тяжело ходить?

Павел. Я мог бы до Урала дойти пешком! Или даже дальше!

Игорь *(сам с собою)*. Он сейчас прямо тут окочурится.

Соня. Ты действительно хочешь показать мне картины?

Игорь *(сам с собою)*. Господи, и эта тоже помешалась. Я пропал!

Павел. Чего ты там ворчишь, глубокоуважаемый уполномоченный? Не угодно ли тебе посетить вместе с нами Государственный Эрмитаж?

Соня *(оживляясь)*. А что, Игорь Игоревич, у нас будет свой персональный экскурсовод. Вот это удача!

Игорь. Товарищ член Военного комиссариата, очевидно, у вас помутился рассудок. Вы забыли, что коллекция музея эвакуирована?

Соня. Ну же, Игорь Игоревич, пойдите с нами. Вы лучший друг моего Паши, я не позволю вам пропустить такое.

Павел. Трус, не бойся реальности. Пойдем с нами.

Игорь. Какой реальности? Это фантазия, сумасшествие, бред.

Павел. Реальность, фантазия, сумасшествие, бред — это слова-синонимы. Экскурсия будет недолгой, дабы не утомлять твою хроющую ногу. Недолгой, но достойной! Что ты хочешь увидеть? *(Соне.)* Он весьма недурно разбирается в живописи. Диффузия знания, ха-ха-ха.

Игорь. А вот и не смейся. Кое-что мы тоже понимаем.

Соня. Тогда, тем более. Нас ждут жемчужины коллекции Эрмитажа.

Игорь. Какой коллекции? Там ничего нет.

Павел. Сделай это ради меня.

Соня. Пойдемте, Игорь Игоревич.

Игорь (*берет один светильник и гасит остальные*). Хорошо, я пойду с вами, раз такое дело, но только не думайте, что я поверил в ваши бредни. Я иду ради дружбы. А главное, я ответственен за порядок в здании и за безопасность его содержимого.

Все выходят.

Павел. Я что-то не расслышал, ты сказал, что отвечаешь за содержимое музея?

Игорь. Не начинай, Филипыч... не начинай...

ЗАТЕМНЕНИЕ

2

Все трое входят в огромный зал. Полумрак, Игорь несет керосиновую лампу.

Павел. Обычно экскурсии начинаются в археологических залах...

Соня (*с нетерпением*). Ты сказал, что мы начнем с живописи.

Павел. Воля ваша, начнем с живописи, к черту археологию. Я предложил археологию, потому что многие посетители очень любят посещать именно эти залы. Археологическая коллекция музея насчитывает свыше семисот тысяч экспонатов.

Игорь (*с ухмылкой*). Надеюсь, ты собирался показать нам все семьсот тысяч? Послушай, дорогой Павел, всему есть предел, и...

Павел. Игорь, не говори чепухи. Как ваш персональный экскурсовод, я хотел обрисовать вам весь круг ваших возможностей.

Игорь. Весь круг? (*Размышляет*). Что ж, меня особенно интересует нумизматика.

Павел. Наш музей обладает более чем одним миллионом монет и медалей. Ты собираешься посмотреть весь миллион?

Игорь. Нет. (*Размышляет*). Но я бы посмотрел те, что относятся к эпохе Ивана Грозного.

Соня. Игорь, вы шутите? Монеты и медали — это самое скучное, что можно найти в музее.

Игорь. Уважаемая Соня, наш персональный экскурсовод Павел Филиппович сказал, что мы вольны выбирать залы в соответствии с нашими интересами. Так вот, мне интересны монеты и медали.

Павел. А я назло тебе не стану их показывать, Игорь.

Игорь. Ты подлый обманщик.

Павел. Нет, подлый обманщик — это ты. Разве ты не знаешь, что все монеты, медали и другие воинские награды были эвакуированы на Урал?

Игорь. Что-о-о?

Павел. А чему ты так удивляешься, дубина стоеросовая? Это, видимо, ты сошел с ума, если тебя вдруг заинтересовали монеты.

Игорь. У меня даже в глазах потемнело. То есть теперь сумасшедший — это я?

Павел. Естественно, ты хочешь увидеть эвакуированные экспонаты. Не ты ли помогал нам упаковывать их и грузить в машины?

Игорь (*сильно нервничает*). Ты доведешь меня до греха. Это невыносимо.

Соня. Игорь Игоревич, миленький, ну, что вы? Он же шутит.

Павел. Нет, я совершенно серьезно. В музее не осталось ни монет, ни медалей.

Соня. Я знаю, но в таком случае, здесь не осталось и картин, однако ты ведешь нас посмотреть их.

Игорь. Спасибо, Сонечка. Я уж было подумал, что вы тоже... того... в общем, вы меня понимаете.

Павел. Картины — это совсем другое дело. Картины... эти картины, они... но зачем объяснять все по-новому. Пойдемте же к ним, и вы во всем убедитесь сами. Мы начнем с икон. (*Игорь ужасается.*) А чтобы наш хромоножка не выбился из сил, мы остановимся только у одной из них, а именно у иконы Архангела Гавриила, более известной как “Ангел с золотыми волосами”.

Игорь. А иконы, между прочим, тоже не живопись.

Павел. Иконы — это живопись, неуч.

Игорь. Это больше, чем живопись, — все это знают.

Павел. А теперь пройдем к Архангелу Гавриилу.

Игорь (*сильно нервничает*). Нет, только не к Архангелу Гавриилу, только ни к нему. Я заклинаю.

Соня (*с раздражением*). Все, прекратите! Хватит! Вы меня замучили, оба. Если вы и дальше собираетесь переругиваться, я никуда не пойду. вам не по пять лет. (*Пауза.*) Паша, покажи нам то, что считаешь нужным, только поскорее. Не забывай, что я до рассвета должна вернуться в комитет. А вы, товарищ комиссар, следуйте за нами и постарайтесь никого не перебивать.

Игорь. Знаете, я тоже попрошу вас подбирать выражения в разговоре с уполно...

Соня. Да, прекратите же! Я больше не выдержу. Еще раз вы откроете свой рот и я...

Павел. Соня... Сонечка... ну, разве можно разговаривать так с Игорем. Он грубиян, но внутри его бьется золотое сердце. Пусть говорит все, что захочет.

Соня. Я и тебя тоже не понимаю, Павел. Теперь ты будешь заступаться за этого... этого...

Павел. За этого невежду? Да, Соня, это мой долг. Друзья как вид находятся на грани уничтожения — они теперь на вес золота, поэтому их надо беречь... и терпеть. Да, терпеть.

Игорь. Спасибо, Филиппыч.

Павел. Не за что, Игорь, не за что.

Соня. Хорошо, я больше не вмешиваюсь, только давайте вернемся к нашим баранам. Если вы опять начнете пререкаться, я повернусь и уйду.

Павел. Решено, никаких больше пререканий, Игорь.

Игорь. Никаких пререканий, Павел.

Павел. Вот и славненько. Тогда мы, не останавливаясь у икон, пройдем сразу к моим самым любимым художникам.

Игорь и Соня. Наконец-то.

Павел. Начнем с испанца Веласкеса. Пойдемте сюда, следуйте за мной. А чтобы вам не было скучно, я расскажу вам немного об Эрмитаже. *(Павел со всей грациозностью царедворца ведет своих посетителей по залам музея, рассказывая о его истории. Игорь и Соня отстают от него на несколько шагов.)* Сейчас мы с вами находимся в залах императорского Зимнего дворца. Проект здания принадлежит итальянскому архитектору Бартоломео Растрелли, строительство было окончено в... *(Павел продолжает вести экскурсию, однако слова его уходят на второй план. Он не реагирует на разговор Игоря и Сони.)*

Игорь *(Соне, шепотом)*. Вы думаете, мы увидим эти картины?

Соня. Ой, не знаю, не знаю.

Игорь. То есть как это, не знаю? Вы что считаете, что здесь остались картины?

Соня. Нет, я понимаю...

Игорь. Ну?..

Соня. Я хочу посмотреть, как поведет себя Павел.

Игорь. А-а-а... ясно. Вы хотите убедиться в том, что он сумасшедший.

Соня. Нет, я почти уверена, что это не сумасшествие. Его слова не лишены логики.

Игорь. Да, но как вы собираетесь увидеть то, чего нет?

Соня. Говорите тише.

Игорь. Это невероятно. Я думаю, что у вас разум тоже помутился.

Соня. Это не исключено, но даже если это и так, оно лишь приблизит меня к моему Павлу.

Павел *(не изменяя своей грациозности)*. Дорогие гости, мы с вами в первом из залов, которые нам предстоит сегодня посетить. Как вы можете видеть, здесь представлена в основном испанская живопись, и в большей степени полотна Диего Веласкеса. Веласкес родился в 1599 и умер в 1660 году. Он по праву считается великим портретистом. Его кисти принадлежат портреты римских пап, королей и других вельмож. Также он писал нищих, пьяниц и уродов. Во всех его работах отчетливо читается мысль о том, что вне зависимости от внешнего облика человека внутри его скрывается существо способное любить или ненавидеть, сомневаться, ранить или смеяться над самим собой. Ему удалось запечатлеть человека со всеми его достоинствами и недостатками, человека как такового. Перед вами одна из вершин его творчества... *(Откашливается.)* Хм, хм... Музею Эрмитаж выпала великая честь иметь в своей коллекции портрет графа-герцога де Оливареса. Портрет написан около 1630 года, когда Оливарес был воплощением власти в Испании, а Испания — воплощением власти в мире. Обратите внимание на суровость графа-герцога... *(Павел)*

продолжает рассказывать о портрете, как если бы он действительно висел на стене, не обращая внимания на своих посетителей. Соня внимательно слушает его рассказ, Игорь отрицательно качает головой, слова Павла уходят на второй план.)

Игорь (Соне, шепотом). Я ничего не вижу, а вы?

Соня. Дайте мне послушать его.

Игорь. Ну, теперь-то вы убедились, что он помешанный?

Соня (смотрит на стену, на которую указывает Павел). Хм, хм.

Игорь. Соня, он сумасшедший. Я ничего не вижу. И вы тоже. Правда ведь, что вы ничего не видите? Правда? Правда?

Соня (не сводя глаз со стены). Товарищ, не будьте таким навязчивым.

Игорь. А вы все-таки ответьте. Вы что-нибудь видите? Видите или нет, Соня?

Соня. Игорь, вы невыносимы.

Павел (продолжает свой рассказ). Однако бросается в глаза то, что Веласкес изображает этого богатого и невероятно влиятельного человека в строгом черном наряде без кружев и драгоценностей. Возможно, на то были причины государственного масштаба. Тем не менее неброские темные тона одеяния гармонично сливаются с черной бородой и такого же цвета волосами, но это только подчеркивает черты лица. (Продолжает говорить, но его не слышно.)

Игорь. Соня, Соня, ну, ответьте, на что вы смотрите? На что вы смотрите?

Павел (продолжает свой рассказ). Сначала может даже показаться, что перед нами радушный, чувствительный, даже нежный человек. Так мог бы быть изображен добрый отец семейства. (Продолжает говорить, но его не слышно. Соня вздрагивает, ей показалось, что на стене мелькнуло изображение портрета, он действительно появляется там.)

Игорь. Вы что-нибудь заметили, Соня? Нет, ну, это уже невежливо — так игнорировать человека.

Соня не отводит взгляда от стены, жестом показывает Игорю, чтобы он оставил ее в покое.

Павел (продолжает свой рассказ). Однако если вы всмотритесь внимательнее, вы увидите, что за его улыбкой и нежным выражением лица притаился сосредоточенный взгляд строгого, даже жестокого и скрытного человека. Я бы с таким в разведку не пошел. Взгляд умного, пронзительного, но все же коварного и опасного до извращенности политика. Воистину, маэстро Веласкес не дал себя обмануть вежливым обхождением и открыл нам истинную сущность графа де Оливареса. (Пауза.) Загляните в его глаза, и вы поймете, что... (Продолжает говорить, но его не слышно.)

Соня опять вздрагивает, она отчетливо увидела глаза графа Оливареса, на этот раз изображение на стене задержалось дольше, чем ранее.

Игорь. Соня, Соня, что с вами?

Павел (заканчивая свой рассказ и обращаясь непосредственно к посетителям). Да, мои дорогие, это одна из самых великих творческих побед маэстро Веласкеса. Он совершенен. (Пауза.) Вы согласны?

Игорь. Я ничего не видел.

Павел. Так уж и ничего?

Игорь. Ничего.

Павел. У тебя начались проблемы со зрением, товарищ комиссар. Это возраст. Но ты не переживай, как только наши войска прорвут блокаду, мы первым делом закажем тебе добротные очки.

Игорь. Со зрением у меня все в порядке. На этой стене ничего нет.

Павел. Не переживай раньше времени, Игорь, скоро у тебя будут очки, и ты все увидишь в другом свете. *(Пауза.)* А ты, Сонечка, что скажешь об этой картине?

Соня. Мне особенно запомнились твои слова о взгляде этого аристократа. Действительно, есть в нем что-то извращенное.

Игорь. Соня, но только не говорите, что вы виде...

Павел. Игорь, тебе определенно нужны очки.

Игорь. К черту твои очки! Это вам необходимо немного здравомыслия.

Павел. Твою слепоту легко исправить парой хороших очков... а известно ли тебе, о верный страж, что один великий художник продолжал писать свои удивительные полотна, даже когда совсем ослеп?

Игорь. Да, я уже слышал эту историю, только никогда в нее не верил. Я всю свою жизнь сторожу эти залы и уже довольно наслушался всяких бредовых историй. Я не верю, что слепой может рисовать.

Соня. Я тоже.

Игорь. Наконец-то, Соня.

Павел. Его звали Моне. Мне даже кажется, что свои лучшие работы он написал, уже будучи слепым.

Соня. Но ведь это невозможно.

Игорь. Видимо, он держит нас за круглых дураков.

Павел. Я клянусь вам, об этом есть во всех книгах. Если Бетховену удалось написать Девятую симфонию, будучи совершенно глухим, почему же слепому Моне вами отказано в живописи?

Игорь. Потому что этого не может быть никогда.

Павел. Тогда пойдемте, я покажу вам его работы.

Соня. Это будет просто замечательно.

Игорь. Ты и дальше собираешься водить нас по пустым залам и показывать голые стены? К тому же я прекрасно помню картины этого Моне.

Павел *(Соне.)* Я же говорил. Он великий знаток искусства. *(Игорю.)* Сделай над собой усилие, дружище, мы идем к Моне, его творчество имеет для нас особое значение. Лучшие его работы

относятся к периоду Первой мировой войны, когда французские солдаты гибли на поле брани против Германии.

Соня. Расскажи мне, родной.

Вдали снова слышится грохот разрывающихся снарядов, он продолжится до конца сцены.

Павел. Моне, будучи уже в годах, не выходил из своей мастерской, он создал множество полотен, он хотел подарить их французским солдатам, когда те вернутся победителями. Так он сражался за родину. *(Пауза.)* Все полотна этого периода поистине великолепны. Это ослепительная симфония цветов, исполненная лилиями, ирисами, роем миролюбивых пчел, плакучими ивами, склонившимися над прудом. Это великий гимн миру. *(Пауза.)* Его старания нашли отклик в сердцах многих соотечественников среди боли и страданий войны — люди пристально следили за творчеством мастера. Даже глава французского правительства Клемансо, рискуя своею безопасностью, посетил его. *(Пока Павел Филиппович рассказывал, на стенах возникали и гасли картины Моне, Соня смотрела на них зачарованно, а Игорь не верил своим глазам и потому потирал их непрерывно.)* Итак, вы готовы к встрече с Моне?

Игорь *(все еще в растерянности)*. Нет, нет, к тому же я... я...

Павел. Ты утомился? Мы можем сходить к нему в другой раз.

Игорь. Да, лучше в другой раз.

Павел. Ты прав, не знаю, почему я вспомнил о Моне, до него далеко идти, а твоя нога...

Игорь. Не беспокойся о моей ноге. Я тоже мог бы дойти пешком до Урала.

Соня. Пашенька, какую замечательную историю ты рассказал. О подвиге Моне должны узнать бойцы Красной армии. Это поможет им в борьбе. А эти чудесные краски, они такие, такие оптимистичные, они полны надежды, жизни.

Игорь. Только не говорите, что вы увидели картины Моне. К вашему сведению, они на третьем этаже.

Павел. Твоя правда, Моне находится этажом выше. Думаю, сейчас мы можем посетить другого художника. В следующем зале нас ожидает Рембрандт.

Соня. Хорошо, пойдемте к Рембрандту, но мне очень хочется увидеть сегодня Моне.

Игорь. А нам обязательно к Рембрандту? Я шесть лет охранял его.

Павел. Игорь, ну, разве можно устать от Рембрандта?

Соня. Тогда пойдемте скорее.

Павел идет впереди. Остальные следуют за ним.

Игорь *(Соне)*. Вы действительно видели сейчас картины Моне?

Соня. А Вы?

Игорь. Надо признаться, что ваш супруг меня окончательно запутал. Я сам не знаю.

Соня. Чего вы не знаете? *(Павлу, который внезапно останавливается и хватается за грудь.)* Паша, Пашенька, родной, что с тобой?

Павел. Сейчас, сейчас. Уф-ф-ф, сейчас все пройдет. *(Пауза.)* Секундочку... *(Игорь подставляет ему ящик, чтобы он присел.)*

Соня. Я думаю, на сегодня хватит. Ты был прав, ты не сошел с ума, картины по-прежнему здесь.

Павел. Уф-ф-ф. Сонечка, все уже прошло. Чуть прихватило, и будет. *(Делает глубокий выдох.)* Да, действительно, мне уже легче, мне уже легче.

Игорь. Но, на сегодня довольно, Павел.

Павел. Нет, нет.

Игорь. Послушай доброго совета. Соня права, ты убедил нас. Я тоже видел картину Веласкеса.

Павел. Игорь, глупцы не способны к обману.

Игорь. Клянусь, я ее видел. И картины Моне я тоже видел, Соня, ну, скажите ему.

Павел. Дубина, Моне этажом выше.

Игорь. Ну и что, а я их видел здесь. Наверное, кто-нибудь их перевесил.

Павел *(встает)*. Игорь, вот только не надо меня путать. Теперь ты скажешь, что видишь больше, чем я. *(Пауза.)* Мне стало лучше. Рембрандт ждет нас. Раскрой глаза, Игорь Игоревич, и не вздумай больше меня обманывать. Другьям говорят только правду. Обещаешь?

Игорь. Обещаю, Филипыч.

Павел. И если ты ничего не увидишь, ты мне так и скажешь. Меня это не обидит. *(Соне.)* И ты тоже, птенчик. Говори мне только правду, я не хочу умирать, сомневаясь в тебе.

Соня. Не надо говорить о смерти. Веди нас к Рембрандту.

Павел *(входя в смежный зал)*. В этом зале представлены двадцать четыре работы Рембрандта, включая мою любимую Даная. Подойдем к ней. *(Проходит еще немного и останавливается у стены.)* Посмотрите внимательно.

Игорь *(останавливается в нескольких шагах от Павла)*. Ты ошибся, Даная здесь, прямо напротив меня.

Павел. Что-о-о?

Игорь. Ты что ослеп? Даная не там, она здесь.

Павел. Какая разница, там или здесь?

Игорь. Большая разница. Экскурсовод называется, и такое халатное отношение. Даная, сколько я себя помню, всегда висела именно здесь. В двух метрах от входа, рядом со стулом зрителя. Ее место здесь, здесь и нигде больше.

Павел. Бюрократ, зануда.

Соня *(раздраженно)*. Я прошу вас, не продолжайте. *(Павлу.)* Прошу тебя, встань туда, куда говорит Игорь Игоревич, и начнем.

Павел (делает несколько шагов в сторону Игоря). Здесь вас устраивает?

Игорь. Нет, ты все равно далеко стоишь. Даная висит прямо напротив меня.

Павел (подходит вплотную к Игорю). Теперь ты доволен? Итак, как я говорил вам, Даная — это моя любимая работа Рембрандта. Сюжет был заимствован Рембрандтом из...

Игорь. Эти подробности можно опустить, они всем известны.

Павел. Правда? Тогда расскажи мне ты.

Игорь. Я? А причем здесь я? Просто, не надо заставлять Соню скучать.

Соня. А я и не скучаю. Расскажите нам, товарищ уполномоченный. Мне будет полезно освежить в памяти эту историю.

Павел. Ну, что же ты засмутился? Не лезь вперед батьки в пекло.

Игорь. Я? Засмутился? Еще чего! Сейчас я вам расскажу, вот только подержи мое ружье, аккуратней, а то еще отстрелит тебе чего-нибудь. (Игорь отдает ружье Павлу, а лампу Соне, затем пытается имитировать Павла Филипповича.) Хм, хм... Дорогие посетители, Эрмитаж имеет честь представить вам жемчужину своей коллекции, выдающееся произведение кисти голландского художника Харменса ван Рейна, более известного под именем Рембрандт, картину “Даная”. В основе ее лежит сюжет античного мифа. Однажды оракул предсказал царю Аргоса, что он погибнет от руки своего внука, которого родит его дочь Даная. Страшась этого предсказания, царь приказал заключить свою дочь под стражу. Никто, кроме старой служанки, не мог входить к ней. Однако это не смогло помешать всемогущему Зевсу, узнавшему о невероятной красоте Данаи, проникнуть в ее темницу. Коварный и сладострастный бог решает прорваться сквозь неприступные заслоны, пролившись золотым дождем. К этому сюжету обращались многие великие художники, в том числе и Тициан. Однако у Тициана Зевс пролился дождем из золотых монет, очаровав девушку и подкупив старуху. Столетие спустя шведский художник Ульрик Вертмюллер написал такую... такую, ну, скажем, эротичную Данаю, что в Соединенных Штатах он брал деньги за то, что люди приходили смотреть на нее, а ни один музей не решался ее выставлять. Картина Рембрандта, как вы с легкостью можете заметить, более романтична и изысканна. (Делая реверанс.) Дорогие товарищи, имею честь представить вам Данаю Рембрантовну. (Павлу.) Товарищ специалист, вы можете продолжать...

Павел и Соня (аплодируют). Bravo, bravo Игорь. Прими наши поздравления.

Соня. Сказать по правде, я совершенно потрясена, Игорь Игоревич. Я и представить себе не могла, что у вас актерский талант.

Павел. А я давно догадывался, что он великий лицемер. Удивительный лицемер.

Игорь. Да ничего подобного. Просто, я много лет пробыл зрителем и наелся вдоволь твоих экскурсий. Давай возвращай мне ружье.

Павел. Но должен признаться, у тебя есть талант. Ты, что называется, здоров врать.

Игорь. Врать? Я вообще никогда не вру, за исключением экстренных случаев.

Павел. Как, когда ты сказал мне, что видел картину Веласкеса?

Игорь. Великолепный пример “экстренного случая”, спасибо. Ты ведь и сам знаешь, что в музее не осталось ни одной картины.

Павел. Даже Данаи?

Игорь. Если ты не хочешь, чтобы я тебя обманывал, я скажу, что здесь нет ни Данаи, ни какой-либо другой картины.

Павел. Раскрой глаза, слепец, да прикрой рот, а я тем временем расскажу тебе о Данае. *(Соне.)* Ты не возражаешь, мышка?

Соня. Конечно, нет, родной. Я вся внимание.

Павел. Перед вами Данаая. Прекрасная Данаая, она юна, девственна, сладка и уже так чувственна, даже сладострастна. Вам может показаться, что у нее слишком пышные телеса. Это справедливо, Данаая дородна и прекрасна, по законам красоты того времени. Но будьте внимательны, наша Данаая не какая-нибудь тучная, заплывшая грация Рубенса. Вглядитесь, ее руки и бедра пышны, но не безобразны. Ее маленькие, аккуратные, свежие груди говорят о том, что она еще не познала материнства и даже мужского тела. А почему она лежит обнаженной в кровати? Очевидно, она и не помышляет об отдыхе или сне. Обратите внимание на то, что у нее идеально уложены волосы, как если бы она собиралась на званый вечер. Из одежды на ней только жемчужные и коралловые браслеты — напоминание о морском происхождении Венеры. *(Во время рассказа Соня не отрываясь смотрит на появившуюся картину, а Игорь рассматривает пол, потолок, показывая всем своим видом, что ему неинтересно.)* *(Игорю.)* Ты видишь ее, жалкий сторож?

Игорь. Кого ее? Твою замороженную жену? Не смешно.

Соня. Паша, продолжай. Не обращай на него внимания. Продолжай, ты остановился на жемчужных и коралловых браслетах, как напоминании о морском происхождении Венеры.

Павел. Да, но Игорь не принимает никакого участия.

Соня. Сделай это ради меня, Пашенька, продолжай. Браслеты как напоминание о Венере. Что дальше? Что дальше?

Павел *(Игорю).* Чтоб ты провалился, комиссаришка. *(Снова указывая на картину.)* Сосредоточимся на позе Данаи. Она сладострастно растянулась на своем ложе, как бы приготавливая место для своего любовника, который должен появиться с минуты на минуту. Все в ней зовет его, мы можем даже услышать запах ее экзотических духов.

Игорь *(ударяя ногой об пол).* Духов? Ты зарпортовался, тебя уже не туда понесло.

Павел. Нет, посмотри внимательно, Игорь Игоревич, на эти покои полные подушечек, ковриков и скатертей. Ты видишь эти чудесные персидские тапочки, которые она в спешке небрежно скинула у кровати. *(Игорь начинает всматриваться в картину.)* Все экзотично в этой темнице. Интимный полумрак комнаты навевает мысли о запретном, интимном, развратном. Тени вокруг кровати будто заряжены страстью и вожделением. В этот самый момент хлынет золотой дождь, в который обратился Зевс. Данаая протягивает к нему свою руку, она в нетерпении, она уже не может больше ждать, она хочет перейти черту. Смотрите, как у ее изголовья шаловливый и неугомонный купидон заморожено глядит на нее. У Рембрандта это не история о том, как коварный и ненасытный бог изнасиловал бедную пленницу, а скорее наоборот — это долгожданная любовная встреча, очаровывающая своей романтикой и нежностью, неотъемлемыми атрибутами любовного соития.

Соня. Как интересно. Спасибо. Ты прекрасный рассказчик. И картина просто великолепна.

Игорь. Только ты не закончил, а старуха?

Павел. Прости, ты совершенно прав. Не знаю, как это у меня из головы вылетела твоя коллега. Хм, хм... За пологом, как вы заметили, притаилась старая служанка, в руках у нее огромная и бесполезная связка ключей. Она парализована, неподвижна, лицо ее не выражает никакой эмоции, очевидно, Зевс обездвижил ее. В любом случае она станет свидетелем долгожданной встречи. Вы довольны, Игорь Игоревич?

Игорь. Вполне, Павел Филиппович, вполне.

Павел. Значит ли это, что ты видел картину?

Соня (*перебивая*). Пашенька, я думаю, что твоя работа заслуживает того, чтобы открыть музей для посетителей. Я доложу об этом в комиссариат, и они будут отправлять каждую ночь наших товарищей, а ты будешь водить для них экскурсии.

Игорь. Боюсь, что это невозможно, уважаемая. Гардероба нет, кассы закрыты, уборные тоже. У нас даже света нет.

Соня. Как сказал бы мой муж: “Милая, ну, какое это имеет значение?” Если комитет прикажет вам открыть музей, вы никуда не денетесь. Что скажешь, Паша? (*Долгое молчание.*)

Павел сомневается, нервно ходит по кругу.

Соня. Что с тобой, родной? Ты на что-то сердишься? Придут настоящие люди, из плоти и крови.

Павел. Настоящие люди?

Соня. Да, из плоти и крови.

Павел. И ты хочешь, чтобы я водил экскурсии для этих людей?

Соня. Да, как ты это сделал для нас.

Павел. Не знаю, не знаю. Ты и Игорь, вы — самые близкие мне люди, я не отличаю вас от себя...

Игорь. Филиппыч, давай-ка не усложняй. Значит, водить экскурсии для людей, которых видишь только ты, — можно, а...

Соня. Вот именно, сегодня, когда я пришла, я видела тебя: ты прощался с воображаемыми посетителями. Вся разница будет в том, что завтра к тебе придут настоящие люди из комитета.

Павел (*нервничает, ходит кругами, долго молчит.*) Воображаемые посетители были... Они были... Нет, Соня, это не одно и то же, они были моими... словом, то, о чем ты просишь, это другое дело.

Соня. Я тебя не понимаю.

Павел. Да, это не удивительно, что ты меня не понимаешь. Я тоже себя не понимаю, хотя чему тут удивляться, я никогда особенно не старался понять себя.

Соня. Пашенька, родной, соглашайся. Многим сегодня это может помочь.

Игорь. Дорогая Соня, ваш муж — очень странный тип. Даже подозрительный.

Павел. Игорь, все люди странны и сложны, даже такие неисправимые простофили, как ты.

Соня. Может быть, ты отказываешься по состоянию здоровья?

Павел. Здоровье здесь ни при чем.

Соня. Тогда в чем же дело? Понимаешь, скольким людям ты можешь вернуть надежду в дни этой гнусной блокады. Наш комитет выбивается из сил, пытаюсь помочь нашим товарищам не терять присутствия духа. Мы все должны содействовать комитету.

Игорь. Я полностью в вашем распоряжении, товарищ член Военного комиссариата. Я встречу на высочайшем уровне всех и каждого, кто придет к нам на экскурсию.

Соня. Спасибо, Игорь Игоревич, вы достойный гражданин. *(Павлу.)* Павел Филиппович, Родина может на вас рассчитывать?

Павел *(продолжает ходить кругами).* Вы не понимаете меня, не понимаете.

Соня *(уверенно).* Вы начинаете меня раздражать, Павел Филиппович. *(Тяжелое молчание.)* Думаю, сейчас не время раскисать. Ты последний из гвардии Эрмитажа, и ты обязан защищать его всеми силами.

Павел. Соня, Сонечка, зачем ты так со мной говоришь?

Соня. Я не думала, что до этого дойдет, но отстоять Ленинград — это самая главная задача. Сегодня, у нас нет другой цели. Я видела, что твои экскурсии творят чудеса, и ты будешь водить их для реальных посетителей, если на то будет приказ.

Павел *(раздумывает.)* То есть ничего еще не случилось, приказа ГКО может и не последовать.

Соня. Может, и нет. Однако думаю, что они прислушаются ко мне.

Павел. Ну да, еще бы. А если я заболелю?

Соня. Ты доказал мне сегодня, что ты умеешь быстро брать себя в руки. *(Взрывы снарядов становятся все слышнее.)* И хватит разговоров. *(Смотрит на часы.)* Мне пора, я сильно задержалась. Береги себя. Жди меня. До скорого.

Павел. Береги себя, моя девочка, береги себя.

Соня целует его на прощание. Свет гаснет.

3

Сцена оформлена так же, как в первом акте. Павел сидит, согнувшись на своей лежанке. Мочит и выжимает платок в тазике с водой (что стоит на ящичке рядом с лежанкой) и прикладывает его ко лбу. Игорь возится у буржуйки, заваривая чай. Вдалеке изредка слышатся взрывы снарядов.

Игорь. Чаек тебе поможет. *(Молчание.)* Тебе не стало лучше? *(Пауза.)* Ну, хоть немного стало лучше? *(Молчание.)* Если ты молчишь, значит тебе совсем плохо.

Павел. Кажется, пришла пора покинуть мне этот мир, Игорь. Я уже чувствую этот долгожданный холод, который ни с чем не перепутаешь.

Игорь *(бросает буржуйку и спешит укрыть Павла одеялом со своей лежанки).* Давай-ка укроемся. Выпьешь чаю, и все пройдет. *(Возвращается к буржуйке.)*

Павел. Боюсь, что мне уже не поможет ни чай, ни чудодейственное зелье. *(Громким голосом.)* Милая смерть, я не боюсь тебя. *(Отшвыривает одеяло, встает, идет, пошатываясь.)* Забери

меня, да поскорее. Не трать свое время на защитников Ленинграда, лучше возьми меня. Я готов. Я уже слишком задержался. Только прошу тебя, не отводи меня с немецкими солдатами. Пусть они отправляются к своим валькириям, меня же отведи к моим друзьям: художникам и скульпторам. К Моне и Веласкесу, к Репину, к буйно помешанному Ван Гогу, к оглохшему Гойе, к Родену и Микеланджело. У меня накопилось много вопросов к Леонардо, к Рафаэлю, я бы хотел повеселиться с Ренуаром и Писарро. Впрочем, милая смерть, ты мудра, веди меня, куда угодно. И если мои друзья поджариваются в аду, что ж, значит, и мне туда. Хотя и от рая я не откажусь, коли они там. *(Пауза.)* Ты слышишь меня, глухая старуха! Чего ты ждешь? С кем ты там задержалась? Я здесь, я хочу тебя, я не могу больше без тебя. *(Падает без сил.)*

Игорь *(с трудом ему удается дотащить Павла до лежанки и укрыть его)*. Филиппыч, Павел, ты чего это разошелся? Успокойся, успокойся. Что я тут буду делать без тебя, в полном одиночестве? *(Возвращается к буржуйке и наливает Павлу чая.)* Выпей чайку, тебе станет лучше. Давай, выпей немного, вот, еще глоточек. Павел, давай еще глоточек. Голова не болит? *(Павел отрицательно качает головой.)* А сердце? *(Снова отрицание.)* А где тогда? *(Павел качает головой.)*

Павел *(слабым голосом)*. Знаешь, Игорь, это не боль — мне что-то сдавило в груди. Это последние усилия жалкого тела, которое мучает мою душу. Отпусти меня, чертов каркас, я хочу быть свободным.

Игорь. По-моему, у тебя температура.

Павел. Игорь, мой друг, я ухажу, и теперь я вижу все иначе.

Игорь. А на что тут смотреть, Филиппыч, тут все также. Мы не сдадимся немчуре и будем стоять не на жизнь, а на смерть. Скоро придет Соня и приведет посетителей, настоящих посетителей.

Павел. Одна эта мысль мне невыносима. Я не хочу больше водить экскурсий в этом проклятом мире.

Игорь. Скоро ты поправишься, и все встанет на свои места.

Павел. Жалкий ты идиот, напряги мозгульки. Ты понимаешь, что дело не в моем здоровье, а в... в... Мечтами и фантазиями нельзя поделиться с посторонними, это частная собственность, что бы там ни говорил Сталин.

Игорь. А вот Сталина не трогай!

Павел. О, ты невыносим. Пойми же, мечты и фантазии живут внутри нас. Теперь, у последней черты, я понял, что я забираю с собой свои мечты и фантазии, а объективная реальность остается как ни в чем не бывало.

Игорь. Не ты ли говорил, что реальность, фантазия, сумасшествие, бред — это слова синонимы?

Павел. Я и сейчас тебе так скажу, но у каждого они свои. Есть вещи, которые нельзя разделить с другими. Это не в их природе, понимаешь? *(Пауза.)* У меня свои фантазии, Игорь, а у тебя — свои.

Игорь. Какие такие фантазии?

Павел. Да, дрессированный ты материалистишка, у тебя тоже есть фантазии, мечты, иллюзии, и, несмотря на наше многолетнее знакомство, ты никогда мне о них не рассказывал.

Игорь. Ты и так все обо мне знаешь.

Павел. Да, только я часто молчу и не говорю тебе ничего. Как если бы я ничего не знал.

Игорь. Давай допивай свой чай.

Павел. Это гадость, а не чай. Из чего он?

Игорь (*смеется*). Небесная травушка.

Павел. Небо, очевидно, совсем прогнило. Может быть, в аду чай покрепче. (*Пауза.*) Послушай, Игорь, я не буду водить экскурсии, потому что моя реальность существует только для меня. Люди не увидят картин.

Игорь. Но я же увидел.

Павел (*после долгого молчания*). Ты простишь меня, если я позволю себе задать один очень жестокий и личный вопрос? Я ни в коем случае не хочу обидеть тебя, просто, боюсь, иначе тебе меня не понять.

Игорь. Ты можешь задать мне любой вопрос.

Павел. Заметь, ты сам мне разрешил.

Игорь. Заметил.

Павел. Хорошо. Ты действительно разговариваешь со своим сыном, как если бы он был жив? (*Молчание.*) Признайся мне.

Игорь. Ты не жесток, ты бездушен. Я не ожидал от тебя.

Павел. Прости. Ты разрешил мне задать вопрос. (*Молчание.*) Фантазии и реальности, мой милый Игорь, личное дело каждого. Только не гневайся на умирающего друга, готового присоединиться к твоему сыну Дмитрию. (*Пауза.*) Я хочу попросить тебя об одолжении, положи меня в тот же окоп, у Адмиралтейства, где лежит Дмитрий, а весной, когда чертова немчура уберется отсюда, ты отвезешь нас на кладбище, только до того, как мы оттаем. (*Молчание.*) Обещаешь? Обещай!

Игорь. Обещаю. (*Молчание.*) Я действительно разговариваю с сыном через это окошко.

Павел. Я знаю, и ты совершенно прав, потому что пока ты думаешь, что твой сын жив, он жив. Я даже думаю, он тебя слышит.

Игорь. Ты правда так думаешь? Он меня слышит?

Павел. Я в этом совершенно уверен.

Игорь. Значит, есть фантазии, реальности и иллюзии, которыми можно поделиться?

Павел. Конечно, с друзьями надо делиться всем, особенно мечтами.

Игорь. Тогда почему же ты не хочешь поделиться ими со своими товарищами военками?

Павел (*не сразу*). Хороший вопрос, Игорь, хороший вопрос. Как бы ни выяснилось, что ты — человек высокого ума. Дай мне подумать. (*Пауза.*) Мне даже стало легче от твоих вопросов. Что ж... ага... (*Пауза.*) Я не могу водить экскурсии для товарищей военкомов, потому что они знают, что картины эвакуированы и просто придут посмеяться надо мной. Или решат, что я их обманываю. Они будут смотреть на меня, как на клоуна, понимаешь, как на несмешного клоуна. Я буду убог и жалок. (*Павел хватается за грудь.*)

Игорь. Что, тахикардия? *(Павел отрицательно качает головой.)* Опять давит? *(Павел кивает в подтверждение, его выворачивает от боли.)* Сильно? *(Павел кивает.)* Сильно-сильно? *(Павел кивает.)* Скорее бы пришла Соня. Давай-ка присядем, так, очень хорошо, теперь глубоко вдохни и медленно выдыхай, не торопись, умница, хороший мальчик. *(Похоже, что Павлу становится легче. Он жестом просит Игоря оставить его в покое, укладывается на лежанку.)* Тебе плохо? *(Павел кивает.)* Совсем плохо? *(Павел кивает.)* Ты что, умираешь? *(Павел кивает.)* Ты надо мной подшучиваешь? *(Павел отрицательно качает головой.)* Ладно, Филиппыч, прежде чем ты покинешь наши края, я покажу тебе то, что поможет скрасить твой уход. *(Игорь достает из-за своей кровати картину, завернутую в ткань.)* Ты догадываешься, что это? *(Павел отрицательно качает головой.)* Угадай, сначала угадай!

Павел *(отворачивается)*. Проклятый коммунистишка, ты хочешь, чтобы последним, что я увижу, стал портрет Сталина? Не хочу, плевать я на него хотел.

Игорь. Нет, это не фотография Сталина. Ну-ка, попробуй еще.

Павел *(не сразу. Приподнимается)*. Только не говори мне, что ты спрятал здесь картину из коллекции.

Игорь. А вот и скажу. *(Скидывает ткань.)* Вашему вниманию “Ангел с золотыми волосами”.

Павел. О, несчастный, будь же ты проклят. Ты понимаешь, что ты наделал?

Игорь. Я поменял его на Сталина. Я знал, что нам здесь не обойтись без ангела.

Павел. Глазам своим не верю, этого не может быть. Я тебя расстреляю. Я сообщу об этом куда следует. Ты понимаешь, насколько ценный экспонат ты похитил?

Игорь. Это наша самая любимая.

Павел. Эта икона должна была быть эвакуирована.

Игорь. Она чудодейственная.

Павел. Я покажу тебе, какие чудеса она совершает. Ты совершил преступление, животное, изверг, вандал, варвар.

Игорь. А разве не чудо то, что ты только что был одной ногой в могиле, а сейчас похож на всегдашнего Филиппыча? Ангел тебя спас.

Павел. Никто меня не спас. А вот ты меня точно в могилу сведешь, идиот. *(Берет у него икону.)* Это блистательная живопись. Какие бездонные глаза, Игорь, это лучшая икона, которую я видел в жизни. Как безукоризненно очерчены губы. Если бы ангелы существовали, они были бы похожи на него.

Игорь. Значит, ты, это, не станешь сообщать куда следует?

Павел. Нет, дурачина, конечно, нет. Еще чего не хватало. Я скорее убью тебя своими собственными руками, но сначала надо подождать подходящего момента. Позволь мне налюбоваться этой красотой.

Игорь. Но это еще не все.

Павел. Если ты сейчас достанешь еще одну картину, я выпущу тебе кишки, не задумываясь.

Игорь. Да нет, картин у меня больше нет. Я все ждал подходящего случая, чтобы выкурить кубинскую сигару, которую подарил мне один турист.

Павел. Кубинскую сигару? И ты выдержал столько времени?

Игорь. Да, я поклялся, что выкурю ее, когда вернется мой сын.

Павел. Тогда мы не станем ее курить.

Игорь. Нет, станем. Дмитрий сегодня здесь, с нами. Ты помог мне понять это.

Павел. Я? Что-то я такого не припомню. Но, если ты считаешь, что в честь твоего сына мы можем сегодня выкурить эту сигару, я не смогу тебе отказать. Слушай, а водочки ты случайно не припрятал?

Игорь. Припрятал. Осталось немного той, что приносила Соня.

Павел. Тогда не медли. Давай скорее водку и сигару. За “Ангела с золотыми волосами”!

Игорь. За моего сына, Дмитрия Игоревича!

Павел. Отныне, и присно, и во веки веков, аминь.

Павел и Игорь курят сигару и пьют водку, смеются и танцуют. Посреди этого веселья раздается стук в дверь, который они не сразу замечают. Слышится голос Сони, она просит открыть ей. Павел и Игорь нервничают, наспех заворачивают икону и прячут ее за лежанку Игоря. Машут руками, пытаются разогнать клубы дыма. Павел укладывается. Игорь открывает дверь.

Соня. Игорь Игоревич, вечно надо ждать, черт знает сколько, пока вы соизволите открыть. *(Принюхивается.)* Чем это тут пахнет? Чем вы тут занимались? Паша, как ты себя чувствуешь? *(Подходит к нему. Целуются.)* Ты курил, Павел Филиппович? Ты соображаешь, что делаешь? Вы что, с ума сошли оба? От тебя пахнет водкой и табаком.

Игорь. Мы тут отмечали кое-что. Мы праздновали... а что мы праздновали, Филиппыч?

Павел. Мы праздновали мою смерть.

Соня. Да вы пьяны.

Игорь. Нет, по правде сказать, мы праздновали мою тайну.

Соня. Какую тайну?

Игорь. Да я тут спрятал...

Павел. Э-э-этот идиотина спрятал кубинскую сигару, которую подарил ему один турист. Он уже думал, что потерял ее. Но тут мы ее обнаружили и приговорили. Вот и вся тайна... и заодно мы допили водку, что ты приносила в прошлый раз. Больше ничего не осталось.

Соня. А вам не стыдно, товарищ уполномоченный, давать сигареты моему мужу?

Игорь. Я просто хотел сделать ему приятно. Больше все равно ничего не осталось, так что можете не беспокоиться. *(Пауза.)* Однако у вас сегодня боевое настроение, товарищ член Военного комиссариата.

Павел. Что там происходит, Сонечка? Что тебе сказали по поводу экскурсий?

Соня. Утверждены. Первыми к тебе пожалуют собственлично члены Военного комиссариата. Если все пойдет по плану, они придут часа через два.

Игорь. Думаю, что вам надо опередить их и сказать, чтобы они не приходили. Павел не собирается ни с кем делиться своими фантазиями и реальностями и еще чем-то там.

Соня. Если честно, то сегодня мне не до шуток.

Павел. Нет, Игорь не совсем точно выразился. Я был на пороге смерти всего несколько минут назад.

Соня. Что за вздор! Несколько минут назад, мой дорогой, ты пил, курил и смеялся.

Игорь. Да, но прямо перед этим он чуть копыта не откинул.

Соня. Прекратите немедленно. У меня сегодня очень плохое настроение. Наши терпят поражения на всех фронтах.

Павел. Они сдают город?

Соня. Нет, пока, к счастью, нет. Только теперь вместе с бомбами немцы скидывают свои агитки и ведут активную пропаганду по радио. Хотите узнать, что они пишут? (*Достает листовку.*) Они заявляют, что в скором времени немецко-фашистские войска под командованием самого Гитлера пройдут парадом по Невскому проспекту. Затем приводится меню банкета в “Астории” по случаю взятия Ленинграда. Будет подан гусь с черникой и рейнские вина. Они описывают каждую деталь праздника в честь завоевания нашего города. Вплоть до музыки, которая будет играть на приеме.

Павел. Вагнер, конечно.

Соня. Нет, Лист. Вот, прочти.

Павел (*читает листовку*), И правда Лист. Проклятое чудище хочет показать, что оно тоже способно чувствовать. (*Пауза.*) Нам надо ответить как-то на это.

Соня. Мы стараемся поддерживать дух ленинградцев. И его действительно трудно сломить, однако я все чаще замечаю потухшие огоньки в глазах.

Павел. Думаю, тебе стоит увидеть картину Репина.

Игорь и Соня. А при чем здесь Репин?

Павел. Когда увидите, вы сами все поймете. Он в выставочном зале. Мы отмечаем столетие этого великого художника.

Игорь. А какую картину ты нам покажешь? Я их все видел.

Павел. Еще бы. (*Соне.*) Ты тоже должна знать эту картину, Сонечка. Это знаменитая “Запорожцы пишут письмо турецкому султану”.

Соня. Да, я что-то припоминаю. Но какое это имеет отношение к Гитлеру?

Павел. Самым правильным шагом станет ответить нацистской пропаганде той же монетой. Надо попросить каждого ленинградца написать письмо Гитлеру и сказать ему все, что мы о нем думаем.

Соня и Игорь. Хорошая идея, Павел, очень хорошая идея.

Павел. Пойдемте к Репину.

Соня. Скорее.

Павел. Ура! *(Раскуривает остаток сигары.)*

Соня. Курение плохо сказывается на твоём сердце.

Павел. Кубинская сигара — что может быть лучше для приговоренного к смерти. Не будем тратить на это время, милая Соня, нас ждут казаки!

Игорь берет лампу и поспешает за Павлом и Соней.

Игорь. Чуть погромче, Павел. Я тебя почти не слышу.

Павел. Разве не ты говорил, что и так все знаешь?

Игорь. А ты всегда что-нибудь новое придумываешь.

Павел. Хорошо, хорошо. *(Он несколько высокопарен и велеречив.)* Во все века мир посещали великие злодеи. В двадцатом веке воплощением этакого античеловека стал, несомненно, Гитлер, однако, говоря о веке восемнадцатом, нельзя не отдать пальму первенства властителю столь жестокому, сколь и могущественному, — печально известному Турецкому Султану, грозе Европы и Азии. Его владения простирались вплоть до городских врат Вены, ему принадлежало Черное море и большая часть Средиземноморья. Он хозяйничал не только в Крыму, но и на большей части территории Украины, словом, его жестокие войны не знали отпора, если бы не...

Игорь. Запорожцы...

Павел. Совершенно верно.

Соня. Да-да, кажется, я что-то припоминаю.

Павел. И эта картина, без сомнения, тоже должна быть вам знакома. Вот мы и пришли.

Игорь. Я ничего не вижу.

Павел. Ты опять за свое? Я еще ничего не сказал, а ты уже запел свою песню.

Соня. Пашенька, давай скорее начнем.

Павел. Хорошо, как я уже говорил, всемогущественные войска султана победоносно шествовали по Украине. Они не ведали преград, кроме Запорожской Сечи, стоявшей не на жизнь, а на смерть. Запорожские казаки — это народ жестокий, яростный, даже зверский в войне, но невероятно нежный в обычной жизни. Не лишённые недостатков, страстные и безрассудные, пьющие до одури, казаки все же люди смелые и отважные.

Игорь. Филиппыч, заканчивай уже с казаками, давай лучше про картину, а то я ничегошеньки не вижу.

Павел. Хм, хм, дорогие друзья, в рамках праздничных мероприятий, посвященных столетию Ильи Репина, Государственный Эрмитаж имеет честь представить одно из его самых великих полотен: “Запорожцы пишут письмо турецкому султану”. Как вы можете видеть, великим людям — великие полотна: размеры этой картины составляют два метра в высоту и три с половиной в длину.

Игорь. Да, немаленькая, только я ее не вижу.

Павел. Ну же, Игорь, сделай над собой усилие, вот она. *(Картина появляется на стене.)* Для начала нам достаточно общего взгляда на картину. Похоже, эти дикие воинственные казаки что-то празднуют, а над чем же они смеются? На заднем плане дымится славная Сечь, они отбили ее у турков, обратив их в бегство. Неукротимые запорожцы сражались на славу, да так, что захватили несколько вражеских пушек. Возможно, это первое поражение оттоманцев, и уж точно самое бесславное. Однако конца этой войне не видно, султан шлет из Стамбула страшные угрозы, обещает послать на расправу с запорожцами самых жестоких своих янычар. Заклинает их немедленно капитулировать, иначе он сотрет их с лица земли. Казаков же это только подзадоривает, и они, разгоряченные недавней победой, решают написать султану ответное письмо. Вглядитесь, взгляните: в самом центре мужчина, стриженный под горшок, с пером в руке, аккуратно пишет, облокотившись о грубо сколоченный стол, под диктовку своих собратьев по оружию. Стоит только взглянуть на их веселые, беззаботные лица, чтобы понять содержание этого письма.

Игорь. Может, ты нам тогда его прочитаешь?

Павел. С удовольствием. Ты будешь смеяться так же, как тот казак, что стоит справа от стола.

Игорь. Их там несколько.

Павел *(появляется изображение казака.)* Самый высокий, в белой шапке, тот, что выпятил широкую грудь и внушительный живот.

Игорь. Тот, что сейчас животики надорвет от смеху?

Павел. Именно, животики. Видишь того, что слева от него? *(Появляется изображение этого казака.)* Видишь, он скорее напоминает татарина, нежели казака, так вот он сейчас задохнется от смеха. Или у него случится удар.

Соня. Они все очень заразительно смеются. Ну, а что же там, в письме? Прочти его нам.

Павел. Сейчас, сейчас, взгляните еще на того, что в центре, рядом с тем, который пишет. Он один из предводителей, судя по одеянию, курит трубку, не смеется, мысли его за тысячи километров. Он представляет себе лицо султана, когда тот прочтет: “Свинячья морда, лошадиная срака, мясника собака, некрещеный лоб, мать твою штоб”. *(Все заливаются смехом.)*

Игорь. А этот, смотри, диктует *(появляется изображение другого казака):* “Какой же ты, к черту, рыцарь, когда голою жопой ежа не убьешь? Черт высирает, а твое войско пожирает”. *(Все смеются.)*

Соня. “Вавилонский ты повар, македонский колесник, иерусалимский пивовар...” *(Все смеются.)*

Павел. “...Александрийский козолуп, Большого и Малого Египта свинопас, армянская злодеюка, татарский сагайдак...” *(Все смеются.)*

Соня. Смотрите вот на этого, он покраснел от смеха. *(Появляется изображение покрасневшего казака.)*

Игорь. “Каменецкий палач, всего света и подсвета дурак, самого аспида внук и нашего сами знаете чего кряк. Вот так тебе запорожцы ответили, плюгавый”. *(Все смеются.)*

Павел. “Числа не знаем, ибо календаря не имеем, месяц в небе, год в книге, а день такой у нас, какой и у вас, и за это целуй в сраку нас!”

Соня. Ой, я больше не могу, Паша, я сейчас умру. Мне даже в туалет захотелось по-маленькому. *(Все смеются.)* Все, не продолжайте, я не выдержу.

Игорь. Я уже сто лет так не смеялся.

Соня. И я.

Павел. И я. *(Пауза.)* Как хорошо смеяться, особенно в такие дни.

Соня. Пашенька, спасибо тебе огромное. Я уверена, что нашим товарищам тоже захочется увидеть эту картину. Ой... они с минуту на минуту будут здесь. Пойдемте скорее к выходу, мы не можем заставлять их ждать на улице, они околеют от холода.

Игорь. Соня, но ведь Павел Филиппович просил вас не делать этого.

Павел. Когда это я просил?

Игорь. Тогда. Ты уже забыл, что реальность и мечты, ими, это, нельзя поделить.

Павел. Когда речь идет о национальной безопасности – можно, а значит, нужно делиться всем без исключения.

Игорь. Ты, Павел Филиппович, какой-то непоследовательный.

Павел. Признайте хотя бы, Игорь Игоревич, что я последователен в своей непоследовательности.

Игорь. Значит, экскурсия состоится?

Павел. Само собой разумеется, ваше уполномочество. Пока я жив, я буду водить экскурсии в этом блистательном музее.

Игорь. А если...

ЗАТЕМНЕНИЕ

4

Сцена оформлена так же, как в первом акте. Открывается дверь, входят Игорь и Соня, красные от мороза. Вдалеке слышится грохот взрывающихся снарядов.

Соня. Спасибо, Игорь. Я думаю, ему будет там удобно.

Игорь. Из окопа он будет смотреть на свой любимый музей.

Соня. Да, его истинной любовью был Эрмитаж, я была только случайной попутчицей.

Игорь. Это неправда, Павел вас очень любил.

Соня. Любил, но Эрмитаж он любил больше. Что же мы теперь будем без него делать? Экскурсии... сколько он успел дать? Если посчитать, три экскурсии за ночь, на протяжении четырех месяцев... Да, не всякому это по силам, а он к тому же болел. *(Пауза.)* Теперь он покоится в мире, а весной, когда немцев уже не будет, мы похороним его по-человечески. *(Пауза.)* Что ж,

Игорь Игоревич, мне пора. Берегите себя, прошу вас, берегите себя. Я буду приходить, как только смогу, будьте в этом уверены.

Игорь. Спасибо, Соня, я знаю. Я только хотел сказать вам... но... нет... Вы подумаете, что я совсем свихнулся.

Соня. Говорите, не стесняйтесь, вы можете мне слепо доверять.

Игорь. Я не знаю, имею ли я право. Нет, не сегодня, я еще не готов, давайте в следующий раз.

Соня. Как скажете. Мне надо бежать, люди должны прийти сегодня на экскурсию, их надо предупредить. Им приходится добираться сюда чуть ли не по-пластунски, не нужно, чтобы они рисковали.

Игорь. Собственно, именно об этом я и хотел с вами поговорить.

Соня. Да? Так зачем вы медлите?

Игорь. Мне никак не подобрать нужных слов. Я, это, стесняюсь.

Соня. А вы напрямую, как если бы вы беседовали с Пашей.

Игорь. Ладно, я вам скажу, только вы отвернитесь к стеночке.

Соня. Вы так и не выросли, Игорь Игоревич.

Игорь. Если вы не отвернетесь, я тогда ничего не скажу.

Соня (*отворачивается*). Хорошо, теперь вы готовы? Давайте выкладывайте все как есть.

Игорь. А вы не станете смеяться? Обещайте, что не станете смеяться.

Соня. Обещаю, только решайтесь поскорее.

Игорь. Соня, знаете... Помните, что вы обещали мне не смеяться. Все, я готов сказать Вам, Соня... (*Пауза*.) Соня, я хочу взять на себя э... экскурсию.

Соня (*резко поворачивается к нему*.) Вы?

Игорь. Да, я. Я думаю, я готов взять на себя этот труд, конечно, это будет совсем не так, как у Павла, но я уверен, что смогу справиться. Я наизусть запомнил все его рассказы. (*Достает из кармана шинели записную книжку*.) А многое даже записал. Хотите, я вам покажу? Смотрите! (*Ставит в сторонку ружье, пытается имитировать Павла*.) Хм, хм уважаемые посетители, Государственный Эрмитаж имеет честь познакомить вас сегодня с...

Соня. Игорь Игоревич, я верю вам. Я знаю, что вы справитесь, ну, конечно. Как мне самой не пришлось это в голову раньше.

Игорь. Мне до Филиппыча далеко, но...

Соня. Незаменимые есть, но вы справитесь, я в этом уверена. Как я рада, это чудесно. Теперь я побегу сообщить в комиссариат, что у нас есть новый экскурсовод.

Игорь. Вы им прямо так и скажете?

Соня. Да. Продумайте хорошенько вашу первую экскурсию. Мне надо бежать, Игорь Игоревич, до встречи.

Игорь. До встречи, Сонечка. (*Когда Соня уходит Игорь закрывает дверь на засов, достает икону “Ангела с золотыми волосами”, разворачивает ее, осеняет себя крестным знаменем, молится, поднимается на стремянку и открывает окошко.*) Павел! Филиппыч! Ты меня слышишь? А? Ты извини, что не даю тебе отдохнуть, но скажи мне, как ты думаешь, может ли атеист верить в чудеса? Правда? Ну, спасибо, я знал, что ты меня поддержишь. Так вот, наш “Ангел с золотыми волосами” творит чудеса, не погнушался тем, что я атеист, даже еще хуже — коммунист. Когда? Да только что. Сразу после того, как мы оставили тебя в окопе. В общем, я теперь буду водить экскурсии. Где, где? В Эрмитаже. (*Пауза.*) Что? Как ты сказал? Ха, это я и так знаю. Можешь и дальше называть меня дурачиной и идиотиной, только знаешь, я думаю, что я тоже смогу помочь отстоять Ленинград. Я буду повторять за тобой слово в слово. Я буду тебя копировать. (*Пауза.*) Ты ведь не обижаешься? А если и обижаешься, так тебе же и хуже, сделать-то ты ничего не можешь. В конце концов, ты сам довел себя до смерти. Зачем надо было так много работать, а? Ты довел себя до смерти, и теперь я должен делать за тебя твою работу. (*Пауза.*) Ты правда не сердисься? Правда? Хорошо, теперь я хочу задать тебе несколько вопросов по работе. (*Достает записную книжку.*) Никак не могу вспомнить, как звали того президента, что ездил проведывать Моне? (*Пауза.*) Как, как? Клемент? Нет? Клемент или Клемант? Не Клемант, нет? Скажи по буквам, Филиппыч, сейчас уже люди придут. Как? Климентин? Клемантин? Громче! Как? Клементант?

ЗАНАВЕС

Перевод с испанского Евгения Шторна

Евгений Михайлович Шторн родился в Чимкенте в 1983 году. Молодой переводчик и театральный режиссер, получивший образование в России и за рубежом.

В 2004 году Евгений Шторн поступает в Санкт-Петербургскую государственную академию театрального искусства, а уже через два года продолжает обучение в Стране Басков (Испания). В 2008 году становится членом труппы и педагогом в *Nexo Teatro* (“Нексо Театро”) в городе Бильбао. Одновременно с этим Евгений занимается организацией и проведением иных культурных мероприятий: феминистского фестиваля *Feministaldia* (“Феминистальдия”) в Сан-Себастьяне, циклов русского кино в Бильбао, ставит церемонию открытия кинофестиваля *Zinegoak* (“Синегоак”), читает лекции по русской литературе в рамках программы пополнения фондов в муниципальных библиотеках Бильбао. В качестве режиссера Евгений выполняет несколько театральных постановок на разных площадках Бискайи: перформанс *Rosa Parks* (“Роса Паркс”), спектакль *Serpientas* (“Серпентас” по мотивам драмы “Служанки” Жана Жене), спектакль *Puedo escribir los versos más tristes* (“Я не писал печальнее стихов, чем этой ночью” (строчка в переводе Е. Хованович) по мотивам философских эссе Карло Фрабетти и поэзии Пабло Неруды), спектакль *El lenguaje de la montaca* (по пьесе Гарольда Пинтера “Горский язык”). Важно также отметить педагогическую составляющую деятельности Евгения Шторна. За последние пять лет его воспитанниками стало более ста человек разных возрастов (от 10 до 75) и национальностей (Россия, Испания, Украина, США, Южная Корея, Марокко, Мексика, Литва и Германия). Посвящая театру все свободное время, Евгений берется за перевод пьес с испанского языка на русский. Так впервые на русском языке публикуются пьесы мадридского авангардного Неотложного театра в журнале “Современная драматургия” (2010, № 3, с. 144–159). Также в его переводе отдельной книгой публикуется пьеса чилийца Марко Антонио де ла Парра “Достоевский отправляется на пляж” (Чимкент: Дара, 2010).

[в начало страницы](#)

© 2001 Журнальный зал в РЖ, "Русский журнал" | Адрес
для писем: zhz@russ.ru

По всем вопросам обращаться к [Татьяне Тихоновой](#) и
[Сергею Костырко](#) | [О проекте](#)